

На этот раз Чай И сел, скрестив ноги, полностью погрузившись в процесс алхимии. Вплоть до последней крупинки его ментальная сила устремилась в алхимическую печь, без остатка.

Чай И и сам не заметил, сколько времени провел в работе. Когда он открыл глаза, уже вовсю светило солнце, стоявшее в зените и ослеплявшее ярким светом.

Однако с небес внезапно нахлынули тьма и тучи, которые за считанные мгновения накрыли голову Чай И, превратив яркий день в черную ночь. Сверкнули молнии, загрохотал гром, и завыл неистовый ветер.

Чай И не испугался, а наоборот, уголки его губ растянулись в широкой улыбке.

Грозное бедствие пилюли пришло!

Это мощное бедствие снова вызвало переполох на Континенте Хунъю. Менее чем за полмесяца это уже был второй случай Грозового бедствия.

Лица всех алхимиков вытянулись, выражения стали серьезными и напряженными. Один раз можно было списать на совпадение, но два — уже нет. По масштабам этой бури было ясно, что она вызвана тем же человеком, что и в прошлый раз. Даже неистовство стихий выглядело точно так же.

Ань Юй поспешно вошел в покои:

— Господин, мои люди доложили, что эта девушка вчера вечером отправилась на Черный рынок, купила несколько духовных растений и одна ушла в чащу. Сейчас над лесом разразилось Грозное бедствие пилюли, очень похожее на то, что мы видели в прошлый раз. Подозреваю, что эта девушка и есть тот самый алхимик, создавший пилюлю очищения от яда пятого уровня. Не знаю, какими методами она скрывает свой уровень культивации, из-за чего все считают, что силы у неё нет. Или же её уровень настолько высок, что она может скрывать его по своей воле, не давая разглядеть.

Ци Тяньюй резко встал с кровати:

— Пойдем, посмотрим.

Когда первая молния ударила, Чай И все еще улыбался, но его улыбка застыла на губах. Потому что на этот раз гром ударил не в алхимическую печь, а в него — в Чай И!

Он ведь не был пилюлей, ему не нужно было проходить закалку молниями, чтобы стать золотой пилюлей. Зачем же гром бьет его?

Не дав ему времени на размышления, еще один удар обрушился с невероятной скоростью. Всего три удара прозвучали, прежде чем Чай И смог опомниться. Не говоря ни слова, он вскочил и начал уворачиваться, но печь была здесь, и он не мог уйти далеко, поэтому бегал вокруг этого небольшого пространства.

Молнии, казалось, навели на него прицел, били одну за другой прямо в голову.

Чай И, измученный ударами, решил снова попробовать договориться с громом:

— Ударь её, а не меня. Ты находишься далеко в небе и не различаешь деталей, мы для тебя просто маленькие точки. Но я говорю тебе: я человек, а это пилюля. И хотя ты — Грозное

бедствие, твоя главная задача — помочь пилюле пройти испытание и обрести золотое тело, а не помогать мне в этом. Так что лети и бей её.

Гром, казалось, счел его слова разумными и на мгновение замер, серьезно обдумывая их в течение одного вдоха, давая Чай И шанс перевести дух.

Но как только Чай И подумал, что снова удалось отговорить гром, тот все же ударил прямо в него.

В конце концов Чай И махнул рукой на все и просто стоял на месте, позволяя молниям бить себя.

Он умолял:

— Господин Гром, умоляю тебя, если ты хочешь бить меня — бей, хоть сколько раз. Но я прошу тебя, можешь ли ты направить хотя бы один удар на неё? — Чай И указал на печь.

— Если ты не ударишь её, она не пройдет закалку и не станет Золотой пилюлей. Ты зря пришел, зря старался!

В итоге все восемнадцать ударов thunder обрушились на Чай И. Гром, видимо, удовлетворился, натешившись вволю, и лишь тогда небо очистилось, тучи рассеялись, а в воздухе появилась радуга.

Сердце Чай И же наоборот, похолодело.

Все кончено. Столько ударов и ни один не попал в печь. Без закалки и очищения громом как же могла появиться Золотая пилюля?

Он открыл крышку печи, не питая никаких надежд, и тут же был ослеплен золотым сиянием, вырвавшимся изнутри.

В этот момент у Чай И не осталось ни жалости, ни уныния, он радовался так, что губы чуть не уходили к ушам.

— Золотая пилюля, вышло, золотая пилюля...

Однако это сияние ослепило не только его. Луч света, устремившийся прямо в небо, ослепил всех, кто следил за лесом.

В мгновение ока лес наполнился шумом и тревогой. Зашевелились деревья, взлетели птицы, а из чащи с четырех сторон выскочили бесчисленные фигуры, все стремительно направляясь к Чай И.

Чай И одним движением сунул Золотую пилюлю в нефритовую подвеску для хранения, печь спрятал в рукав и начал метаться вглубь леса, уклоняясь от схваток.

Дело было не в его мастерстве боевых искусств, а в том, что пришедшие за ним принадлежали к разным группировкам и прежде всего набросились друг на друга, что дало ему шанс сбежать.

Чай И носился как обезьяна, не разбирая дороги, но звуки погони налетали сзади и становились все ближе, пока не оказались прямо у его шеи.

— Хочешь жить — не двигайся, — холодно произнес человек с мечом.

Острый клинок с холодным блеском прижался к шее Чай И, острое лезвие перерезало волосы на его затылке. Теплый ветер обдувал его голую шею, но он не чувствовал тепла, только ледящий холод.

Чай И молчал и не шевелился.

Он ожидал, что человек потребует отдать Золотую пилюлю, и уже лихорадочно придумывал, как затянуть время и выкрутиться.

Но тот не поинтересовался пилюлей, а резким движением сорвал с головы Чай И покрывало.

Лицо человека мгновенно исказилось от шока. Он с одного взгляда узнал истинную личность этого переодетого мужчины и не поверил своим глазам, прошептав:

— Чай И.

Лицо Чай И мгновенно изменилось. Он уже собирался забыть о собственной жизни и броситься в последнюю схватку, как сзади сверкнул ещё один мечевой отблеск, отбивший клинок от его шеи.

Ань Юй схватил Чай И и швырнул его назад, а сам с десятками телохранителей устремился в бой.

Чай И тяжело упал в чьи-то объятия, отчего тот человек, чье тело было таким хрупким, пошатнулся, прежде чем устоять.

Прежде чем Чай И успел опомниться, его уже снова схватили сзади, и к его горлу приставили короткий кинжал.

— Не двигайся, а то умрешь.

На этот раз слова были еще лаконичнее.

У шеи — холодное лезвие, чей ледяной блеск не мог согреть даже палящее солнце. Сзади — тепло чужого тела и уникальный, знакомый запах. Холодный запах снега и едва уловимый аромат, говоривший о холодном нраве хозяина, о ледяной душе, к которой невозможно приблизиться.

Голос хозяина этого холодного аромата был низким, еще более холодным, в нем не было ни искры живости, ни человеческих радостей или печалей.

Но именно этот человек, словно вылепленный из льда и снега, пронизанный холодом насквозь, заставил Чай И содрогнуться от знакомства. Этот звук слышался ему в межзвездные ночи, бесчисленное количество дней и ночей он преследовал его во снах, да и этот уникальный запах... как же он мог его забыть.

Чай И даже не оборачивался, чтобы убедиться, он знал: этот человек за спиной — тот, кого он так долго искал, тот, кто был для него дороже жизни.

Внезапно Чай И расслабился.

Эта реакция озадачила Ци Тяньюя. Его взяли в заложники, а он расслабился? Неужели быть в его руках приятнее, чем в чужих?

Ситуация была критической, и Ци Тяньюй проигнорировал странное чувство дежавю, промелькнувшее в сердце.

Чай же, чувствуя огромное облегчение, решил немного проказить.

Он резко откинулся назад и, сжав голос, пискляво произнес:

— Милорд, рабыня так напугана!

Оказавшись в объятиях Ци Тяньюя, тот не испытал ни малейшего желания насладиться моментом, наоборот, все его тело напряглось, и он приложил все силы самообладания, чтобы не швырнуть человека прочь.

Сквозь стиснутые зубы он процедил:

— Встань!

Чай И не только не встал, но и, воспользовавшись моментом, еще крепче обвил руками талию Ци Тяньюя, словно железными тисками, и томно произнес:

— Какой вы злой, какой бессердечный! Ведь это вы меня похитили, а теперь прогоняете, как же вам не стыдно!

А Фэй, стоявший неподалеку, четко слышал диалог своего господина и этой «девушки». Если бы не обстоятельства, он бы рассмеялся в голос.

Но даже так он не удержался и в перерыве между битвой бросил быстрый взгляд, желая увидеть, какая же девушка обладает столь пылким нравом.

Однако этот взгляд заставил его пожалеть о всем на свете, до глубины души. Слишком это было противоестественно для глаз, он готов был отдать любые сокровища, чтобы никогда этого не видеть.

Девушка выглядела не лучше грязного нищего, который не мылся годами. Нет, пожалуй, даже хуже.

По крайней мере, нищий не мог сравниться с ней в черноте.

Ее с ног до головы покрыла сажа от ударов молний, яркое платье превратилось в лохмотья, сквозь прорехи которых виднелась черная кожа. В волосы встали дыбом и спутались, издали это напоминало взъерошенного ежа. Что же до лица... его лучше было не видеть.

Нет авторских примечаний.

<http://bllate.org/book/16366/1480233>